

„Но, замѣчаетъ Руссо, весьма вѣроятно, что тогда уже положеніе вещей было таково, что не могло продолжаться долѣе“.

Здѣсь оканчивается сходство между Руссо и гр. Толстымъ, оба признаютъ существующій порядокъ вещей несправедливымъ и ненормальнымъ; но Руссо старается объяснить его возникновеніе и придумать нѣчто другое, что бы могло замѣнить его; гр. Толстому кажется достаточнымъ исчезновеніе этого порядка, чтобы все устроилось само собою.

Руссо для идеальнаго государства придумываетъ фикцію общественнаго договора и заставляеть служить свою фантазію то для того, чтобы возстановить жизнь первобытныхъ людей, то для того, чтобы представить себѣ идеальнаго воспитателя, воспитанника или священника. Но сквозь романическую форму его произведеній и ихъ риторическія прикрасы то и дѣло проглядываетъ скелетъ отвлеченной мысли. Совершенно обратное видимъ мы у Л. Н. Толстого, даже тамъ, гдѣ онъ хочетъ быть только логиченъ, сами собою являются краски и образы, и художникъ то и дѣло заслоняетъ мыслителя. Художникъ настолько преобладаетъ въ гр. Толстомъ, что даже чисто философскія мысли, когда онѣ выражаются имъ въ беллетристической формѣ, не проигрываютъ, а скорѣе выигрываютъ и въ яркости и въ точности.